

ПОРТРЕТ УПРАВЛЕНЦА

УДК 323(460)

Ю.В. ВАСИЛЕНКО, к. филос. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15

Электронный адрес: yuvasil@yandex.ru

ХУАН БРАВО МУРИЛЬО – УПРАВЛЕНЕЦ И ИДЕОЛОГ

В статье рассматривается управленческая и политико-идеологическая деятельность выдающегося испанского консерватора середины XIX в. Хуана Браво Мурильо, внесшего значительный вклад в буржуазную модернизацию Испании.

Ключевые слова: модернизация; либеральный консерватизм; традиционализм; конституционализм; централизация; буржуазный национализм; технократизм; испанские «модерадос»

Уроженец Эстремадуры Хуан Мануэль Хосе Примо Браво Мурильо Мендес (1803-1873) является для испанского либерального консерватизма фигурой сколь выдающейся, столь и необычной. На пике своей карьеры председатель правительства (1851-1852) и лидер правой фракции либерально-консервативной партии («модерадос») на всем

протяжении ее существования (1839-1868), Браво никогда не претендовал на роль политического идеолога, отдавая себя управлению проектами промышленной модернизации страны. Однако профессиональная, издательско-публицистическая и общественно-политическая деятельность Браво требовала от него в том числе и политико-идеологического осмысления ключевых проблем эпохи. Мы рассмотрим управленческую и идеологическую составляющие карьеры Браво, сосредоточив внимание на осуществленных им модернизационных проектах и проблеме его политико-идеологической идентичности; первое обуславливало второе и наоборот.

Несмотря на всю значительность личности Браво для истории Испании в целом, его историография крайне бедна. Наиболее значимым исследованием, посвященным Браво, является монография испанского историка-франкиста А. Бульона де Мендоса «Браво Мурильо и его значение для испанской политики», вышедшая в 1950 г. [5]. Данная работа содержит богатейший материал по истории эпохи и соответствующую подборку исторических документов, занимающих четверть ее объема [5, р. 301-413] и имеет важное политико-идеологическое значение. К середине XX в. фигура Браво стала

для стремящегося к выживанию франкистского режима знаковой. Ссылаясь на Браво, технократы, являвшиеся, по словам современного испанского историка-франкиста Л. Суареса Фернандеса [15], третьей волной франкизма [21], открывали в истории Испании новую страницу, которая будет отмечена упорными – и успешными – попытками внедрить модель национально-государственного и материально-технического развития страны вне политических идеологий. Новая политическая линия нуждалась в своем историческом обосновании, было необходимо показать и аргументировать место и преемственность франкизма в истории Испании на испанском и либерально-консервативном материале, вырвав его тем самым из германо-фашистского контекста. Браво подходил для этого более всего. Отсюда и начало книги: «Мадрид поставил памятник дону Хуану Браво Мурильо. Его именем также названа одна из улиц этого величественного города» [5, р. 9]. Очевидно, что франкисты возвеличивали Браво, преследуя собственные – политико-идеологические – цели. Так управленец, всю жизнь сторонясь политических идеологий, стал идейным вождем не только партийной фракции, давно канувшей в лету, но и новой волны испанских технократов, так же – на словах – чуждавшихся идеологии.

Большинство других изданий второй половины XIX – начала XX в., связанных с именем Браво, были по большей части публицистическими брошюрами [5, р. 419-421]. Главным источником для изучения идей Браво являются его шеститомные «Труды» (1863-1874 гг.) [13], а также ряд служебных записок, написанных в различные годы [5, р. 419]. Впечатляет список газет и журналов, основанных Браво: Бульон приводит семь наименований [5, р. 417-418]. Принципиальное значение имеет журнал «Защита общества» («La Defensa de la sociedad»), название которого отражает консервативные убеждения Браво. Среди газет и журналов, в которых он издавался, обращает на себя внимание карлистская – традиционалистская – газета «Испанское мышление» («El Pensamiento Español») [5, р. 418]; публикации в ней обозначили правый уклон в мировоззрении «позднего» Браво.

1825-1840 гг.

Профессиональная карьера Браво началась в Севильском университете, где он проработал на кафедре философии почти все «гибельное десятилетие» (1825-1834), стараясь, по словам Бульона, «совместить теологию и законы» [5, р. 29]. Браво принадлежал к тому поколению испанских либеральных консерваторов, на становление которых не оказали существенного влияния ни Кадисские кортесы 1812 г., ни «либеральное трехлетие» (1820-1823); соответственно, и консервативный элемент в его идеях, взглядах и ценностях был априори значительнее прочих. На государственную службу Браво попадает благодаря «модерадос» в 1834 г., во время правления выдающегося либерального консерватора Ф. Мартинеса де ла Роса [16], когда министр по помилованию и юстиции Н.М. Гарелли предлагает ему должность в налоговой службе Касереса [5, р. 32]. Все эти обстоятельства существенно повлияли на политико-идеологическую идентичность Браво: по служебной линии он оказывается связанным с партией «модерадос», однако сохраняет приобретенную в годы

профессуры теологическую – традиционалистскую – установку, поддержанную глубоко личными католическими убеждениями.

В 1836 г. старый учитель Браво по Саламанкскому университету М. Баррио Айосо становится новым министром по помилованиям и юстиции в правительстве Ф.Х. Истуриса (1836) – бывшего прогрессиста, перешедшего в лагерь «модерадос». Браво – к этому времени уже основоположник и издатель престижного юридического «Бюллетеня по юриспруденции» («Boletín de Jurisprudencia») [5, р. 39-42] – также получает назначение в министерство. «...Правительство Истуриса, – по словам Бульона, – стало осуществлять *консервативную* политику, направленную на достижение всеобщего согласия; отсюда политические идеи *порядка* и *умеренности* навсегда стали характеристикой нашего персонажа [Браво. – *Ю.В.*]» [5, р. 42] (курсив наш. – *Ю.В.*). Консервативная направленность деятельности правительства Истуриса проявлялась в том, что исправлялись реформаторские перегибы, допущенные предыдущим – прогрессистским – правительством Х. Альвареса Мендисабаль (1835-1836). Истурис действовал в реакционном – контрреволюционном – ключе, сохраняя либеральную риторику, за что подвергся жесточайшей критике со стороны обеих политических сил, и уже через три месяца был вынужден подать в отставку.

Выпадая периодически из политического процесса, Браво на протяжении всей своей жизни будет заниматься адвокатской практикой и издательской деятельностью. В 1837 г. он становится одним из учредителей новой газеты – «Будущее» («El Porvenir»), выступающей с позиций «модерадос», за что со стороны прогрессистского правительства Х.М. Калатравы (1836-1837) она не единожды подвергалась гонениям. В этом же году Браво становится депутатом Кортесов от Севильи и входит в парламентскую фракцию «модерадос», получившую большинство. Благодаря «Будущему» карьера Браво пошла вверх и у него впервые появляется возможность получить министерскую должность в правительстве Н. Эредия, графа де Офалия (1837-1838); однако, понимая, что правительство вскоре падет, Браво от этой перспективы отказывается [5, р. 56]. К этому времени, считает Бульон, складывается и «политическая физиономия» Браво, центральным элементом которой становится «эффективное служение родине» [5, р. 59]. Браво принимает активное участие в парламентской дискуссии о «депутатском иммунитете» и упорно отстаивает «добрую доктрину, согласно которой депутатский иммунитет не должен уподобляться корсарскому патенту для *безнаказанного нарушения законов*, как это часто бывало тогда и после с теми, кто называл себя демократами» [5, р. 63] (курсив наш. – *Ю.В.*). Идея законности была близка Браво как юристу, в данном же случае она приобретает еще и политико-идеологическое звучание, т.е. становится одним из фундаментальных элементов консервативной идеологии, ассоциирующейся с порядком – порядком, опирающимся на закон, который необходимо защищать.

В 1839 г. Браво и Х. Доносо Кортес учреждают новую газету – «Пилот» («El Piloto»). Экономическую и административную часть газеты ведет Браво, доктринально-политическую – Доносо Кортес [5, р. 69]. Браво позиционирует себя практикующим политиком. Вместе с тем «уже тогда, – пишет Бульон, – Браво Мурильо был лидером *крайне правой* фракции умеренной партии»

[5, р. 70], «самой консервативной фракции умеренной партии» [5, р. 81] (курсив наш. – Ю.В.); речь идет о правой фракции «модерадос». Эту фракцию он будет возглавлять вплоть до «Славной революции» 1868 г. Одновременно его друг Х.Ф. Пачеко встает во главе «самой либеральной» фракции «модерадос».

В Кортесах 1840 г. в речах Браво звучат новые темы: хозяйство и экономика, с одной стороны, и отношения Церкви и государства – с другой; в историю испанской политики он войдет именно в этом качестве – как выдающийся «хозяйственник» и защитник интересов Церкви. Между тем, выступая в Кортесах против партии прогрессистов, Браво высказывается по проблемам «революции и реакции, авторитаризма и свободы, традиции и прогресса» [5, р. 73], т.е., вольно или невольно, начинает выступать в роли политического идеолога, от которой публично постоянно отрешивается. Бульон обильно цитирует его речи, которые сводятся к следующим взаимосвязанным постулатам: прогрессисты не имеют монополии на свободу, главным оплотом свободы является Трон, главная задача политической повестки дня – «абсолютистско-деспотическим тенденциям» противопоставить «консервацию свободных институтов» [5, р. 73-76] (курсив наш. – Ю.В.). Типичная либерально-консервативная риторика «модерадос». Правый уклон в либерально-консервативной позиции Браво пока не артикулирован, хотя партийная фракция уже существует.

1840-1854 гг.

Пришедшее к власти прогрессистское правительство генерала Б. Эспартеро (1840-1841) заставило Браво – вслед за большинством выдающихся «модерадос» – отправиться в ссылку во Францию. Этим во многом объясняется правый уклон, постепенно набирающий в мировоззрении Браво силу, а после возвращения в Испанию – и новый вектор в его адвокатской практике, которую он также сумел обратить на пользу своей политической карьере. Именно с 1842 г. начинают складываться отношения между Браво и, как пишет Бульон, «наиболее релевантными персонажами аристократии», оценившими его близость к традиционализму, среди которых были М. Тельес-Хирон-и-Бофор, Великий герцог де Осуна (ставший впоследствии другом Браво); потомок Х. Колумба герцог де Верага, а также герцог дель Инфантадо, герцог де Гандия, граф-герцог де Бенавенте, маркиз де Сантильяна-и-де Ломбай, принц де Скилаче-и-де Эболи и другие [5, р. 284]; в целом – «различные принцы испанской королевской семьи и наиболее значительные элементы из финансовой и научной сферы», а также ряд германских монархов [5, р. 83-84]. Дружба Браво – выходца из семьи провинциального профессора латинского языка – с первыми лицами испанской знати, финансового мира и науки не могла не оказать на него серьезного влияния. По существу, речь идет о социальном субстрате той политической линии, которую Браво будет впредь, так или иначе, проводить в своей политике: между либеральным консерватизмом и традиционализмом. Никто из названных персонажей не участвовал в политическом процессе прямо, однако тон и характер этого процесса определялся во многом именно ими. Герцогам и финансовым магнатам нужен был свой политический рупор, и Браво справлялся с этой ролью отлично. Оказавшись

вновь в Кортесах в 1843 г., Браво громит прогрессистов и генерала Эспартеро, выступая в «группе поддержки» Доносо Кортеса, когда тот произносит свои речи, вошедшие в анналы испанского парламентаризма [5, р. 88-89].

В 1844 г. Браво принимает активное участие в дебатах по конституционной реформе, начатой правительством генерала Р.М. Нарваэса (1844-1846) с целью «достижения столь желаемого национального примирения на основе вычищения всего того, что было революционного в Конституции 37 года» [16, р. 400]. Вклад Браво в дискуссию о будущей Конституции 1845 г. состоял в предложении и аргументации «наследственного принципа» при формировании Высшей палаты парламента. Эта идея была напрямую связана с идеей «наследственной монархии», имеющей особое значение в условиях противостояния «модерадос» и традиционалистски ориентированных карлистов, оспаривающих легальный характер правящей династии. При этом Браво пошел значительно дальше: «...Если мы хотим *поддержать* и *сохранить* любой ценой наследственную монархию, – мы должны думать не только о насущной необходимости процветания Высшей палаты, но и распространить этот принцип на формирование представительного правительства, что также должно усилить доктрину наследственной монархии» [5, р. 100] (курсив наш. – Ю.В.). Распространение «наследственного принципа» на правительство, формировавшееся после смерти Фернандо VII по большей части из состава победившей на парламентских выборах партии, было, несомненно, предложением традиционалистским и соответствовало интересам той части испанской аристократии, которая стремилась руководить политическим процессом, не обращая внимания на общественное мнение, выражаемое в той или иной степени – в пределах избирательного закона – во время выборов, и соответствующий ему расклад политических сил на данный момент. Утверждение данного принципа нанесло бы серьезный удар по формирующейся в Испании либеральной демократии.

В этом контексте становится понятной позиция левой фракции «модерадос» во главе с Пачеко и Н. Пастором Диас, к которым теперь присоединился и Истурис. Будучи изначально в числе самых горячих сторонников реформизма в среде «модерадос», левая фракция на этот раз выступила против реформ, поскольку увидела в них не утверждение либеральных ценностей, а, наоборот, их нивелирование [5, р. 98]. Особой оказалась и позиция традиционалиста Доносо Кортеса, защищавшего исключительно интересы высшей испанской знати. Указывая на глубоко беспокоящий его «общий упадок» аристократии, он упорно доказывал: «...принимая наследственный принцип, т.е. принцип аристократический, мы строим наше здание *на песке*» [5, р. 102] (курсив наш. – Ю.В.). В данном случае, полагаем, обнаруживает себя одно из глубочайших противоречий, присущих политической идеологии традиционализма: участвуя в процессе принятия ответственных решений, касающихся основ институционального строительства современного либерально-демократического государства, традиционалисты могут пасовать и демонстрировать недоверие к тем политическим силам и социальным группам, идеологическими рупорами которых являются. Очевидно, что «выскочившее ниоткуда» недоверие Доносо Кортеса к аристократии совсем не означало его приверженности

демократическим идеалам. «Демократическая» риторика Доносо Кортеса была связана лишь с тем, что на тот момент он «отрабатывал» политическую линию генерала Нарваэса, диктаторские полномочия которого он будет обосновывать, стоя на том же самом месте, спустя пять лет [3]; а через два года жестко его критиковать за нарушение «морального и религиозного порядка» [2]. «Демократическая» риторика Доносо Кортеса в данном случае могла быть усилена тем обстоятельством, что накануне благодаря проискам Нарваэса традиционалистская – абсолютистски ориентированная – группа во главе с маркизом де Вилума из дебатов была фактически исключена [16, р. 396]; Доносо Кортес не хотел оказаться в схожей ситуации, что крайне негативно сказалось бы на его амбициях публичного политика.

В итоге – на фоне левой фракции «модерадос», отвергшей конституционную реформу как антилиберальную, центристской фракции, проводившей конституционную реформу с целью уравновесить на новом историческом этапе либеральный и традиционалистский компоненты правящего режима во главе с Изабеллой II, традиционалистов, убоявшихся в лице Доносо Кортеса реализации собственных идей, взглядов и ценностей, – позиция Браво оказалась наиболее «правой» в рамках «модерадос». Либеральный аспект позиции Браво, дополняющий представленный выше традиционалистский, был одухотворен тем, что в парламентской дискуссии с Доносо Кортесом Браво связал господство аристократии с идеей свободы: «Когда в Испании свое влияние потеряла *аристократия*, была потеряна и *свобода*» [5, р. 102] (курсив наш. – Ю.В.).

Браво предложил широкое толкование института аристократии, основанное на понятии вертикальной социальной мобильности: «аристократия как класс формировалась из различных элементов, и к ней могли стремиться низшие и бедные классы» [5, р. 103], – спорит он с Доносо Кортесом. И если Доносо Кортес говорил о подлинной наследственной аристократии, представленной великими знатными фамилиями испанского королевства, то для Браво аристократия – это звание, которое является крайне привлекательным для зарождающейся буржуазии. Браво балансирует на грани двух позиций – традиционалистской и либерально-консервативной: защищая интересы наследственной аристократии, он втихомолку, «под сурдинку», защищает и интересы крупной буржуазии. Называя последнюю «низшей и бедной», он показывает, что она знает свое место, что ее претензии на власть весьма умеренные и она готова пойти на политико-идеологическое соглашение с традиционалистски ориентированной аристократией. Доказывая реалистический характер «больших надежд» незнатной буржуазии, Браво расширяет рамки класса наследственной аристократии, включая в ее состав государственных чиновников, армию и Церковь [5, р. 103]. Все три института в Испании традиционно были открыты для «низших и бедных», стремящихся сделать карьеру и получить за свои заслуги наследственное аристократическое звание, т.е., по словам Браво, в изложении Бульона, были «институтами, гарантирующими подлинную свободу» [5, р. 103-104].

Совершая далекие экскурсы в историю испанского средневекового парламентаризма, что в целом тогда было характерно для дискурса либеральных

консерваторов, Браво заключает: «...когда... Кортесы, состоящие из [городского. – Ю.В.] сословия, знати и клира, принимали участие в создании законов, Испания пользовалась своими *свободами* и имела *фуэросы*..., а когда зная столкнулась с притеснениями, то своих *фуэросов* и *свобод* лишилась и нация» [5, р. 104] (курсив наш. – Ю.В.). Объединяя в одной фразе «фуэросы» и «свободы», Браво весьма ловко жонглирует понятиями, которые для раскрытия их содержания требуют определенных пояснений. С одной стороны, Браво позиционирует себя сторонником свободы, что соответствует дискурсивным практикам либерального консерватизма вообще и испанских «модерадос» в частности. С другой, – «фуэросы» как некая историческая ценность прямо противоречат централизаторским устремлениям «модерадос», но абсолютно созвучны традиционалистской идеологии карлистов. Данное обстоятельство делает позицию Браво – при всей ее внешней дискурсивной простоте – очень сложной. Прежде всего апелляция к средневековому испанскому парламентаризму (Кортесам и «фуэросам» как их неотъемлемому атрибуту) использовалась «модерадос» (например, центристом Ф. Мартинесом де ла Роса [8]) для привлечения на свою сторону традиционалистски ориентированных карлистов, отвергающих гражданскую войну как способ защиты собственных политических идей, взглядов и ценностей. Вместе с тем мы не можем забывать и о том, что «свободы» и «фуэросы» – это не одно и то же: политические свободы, о которых говорят «модерадос», не сводятся к одним «фуэросам», а последние не исчерпывают понятия политических свобод (насколько «фуэросы» являлись политическими свободами вообще – вопрос особый). У Браво же данная эквиваленция явно присутствует, что говорит о его политико-идеологическом отличии от центристской фракции «модерадос». Все это позволяет нам аргументировано заявить о существовании в среде «модерадос» правой фракции во главе с Браво, а также объяснить его последующую близость к карлизму, что было отражено, в частности, в его публикациях в карлистских изданиях. В политико-спектральном выражении место идеологической парадигмы Браво можно определить между либеральным консерватизмом и традиционализмом.

Дискуссия о конституционной реформе завершилась победой центристской фракции во главе с Мартинесом де ла Роса: Конституция 1845 г. была принята в том виде, в каком ее хотел видеть генерал Нарваэс. Однако предложения Браво имели свое продолжение: наследственный принцип при формировании Сената был принят «модерадос» в 1857 г. Также в ходе дискуссии Браво высказался за участие парламента в определении и санкционировании матримониальных процедур (брак и развод) испанских королей, что усиливало либеральную идею о суверенитете нации; поддержал предложение Мартинеса де ла Роса о назначении алькальдов городов в соответствии с волей короля [5, р. 105-108], что, кстати сказать, противоречило его позиции в отношении средневековых свобод («фуэросов»). Так или иначе, к середине 1840-х гг. Браво вполне укладывается в политическую «повестку дня», реализуемую «модерадос». При этом все его инициативы, обозначенные нами, в будущем будут закреплены в либерально-консервативной Конституции 1876 г., открывшей в Испании новый период буржуазной модернизации. Браво, таким образом,

принимал непосредственное участие в становлении политической идеологии либерального консерватизма, усиливая ее консервативную составляющую.

В 1847 г. в политической карьере Браво начинается новый этап: он становится министром по помилованиям и юстиции в правительстве К.Ф. Мартинеса де Ирухо-и-МакКин Такон-и-Армитахе, графа де Сотомайор (1847). Несмотря на то, что правительство продержалось всего два месяца, для Браво это стало временем определения дальнейших политических действий. Политика правительства в целом сводилась к тому, чтобы, согласно Бульону, «обеспечить союз всех *консерваторов*, сконцентрировав их усилия на *защите* общих идеалов» [5, р. 119]. В преддверии революции 1848-1849 гг. «модератос» вновь оказались перед угрозой раскола: левая фракция во главе с Пачеко все упорнее отвергала попытки центристской и правой фракций ужесточить общую политико-идеологическую линию. И все же внутрипартийный раскол «модератос», в результате которого на основе левой фракции появится новая либерально-консервативная партия – «Либеральный союз», произойдет. Его дату называет современный испанский историк-традиционалист из «Opus Dei» Х.Л. Комельяс Гарсия-Льера [15, р. 197-198] – декабрь 1852 г. [7]. К этому времени процесс обрел необратимый характер. Браво в этом контексте предлагает отставить все политико-идеологические разногласия в сторону и заняться «обширной административной работой и созданием национального богатства во всех его аспектах» [5, р. 119-120]. Поэтому логично, что в двух последующих правительствах генерала Нарваэса (1847-1848; 1849-1851) Браво в течение года получает два назначения, становясь первоначально министром хозяйства и министром коммерции, а затем – с перерывом в два дня – вновь министром хозяйства (1849-1850).

Занимая министерские должности, Браво создает новый департамент – коммерции, образования и общественных работ – для осуществления школьной реформы в сфере начального образования, способствует созданию эпохальной хрестоматии – «Коллекция классических авторов» («Colección de autores clásicos») – и основывает в сельскохозяйственных районах систему аграрного образования для детей. В сфере высшего образования первостепенное внимание Браво уделил медицинским факультетам. Также заслугой Браво стала новая сеть дорог и речных каналов, включая знаменитый Канал Изабеллы II; были построены новые маяки. В 1849-1850 гг. Браво смог существенно уменьшить бюджетный дефицит, что способствовало общему оздоровлению экономики в условиях завершения революции в Европе. Самым большим достижением Браво стала система железных дорог, что имело не только социально-экономическое, но и большое политическое значение, поскольку способствовало централизации государства и, соответственно, усилению монархии [5, р. 133-170, 185-192]. Именно эти аспекты в деятельности Браво привлекли внимание испанских технократов уже в XX в.

Строительством железных дорог – одним из главных дел своей жизни – Браво будет заниматься почти десятилетие (1850-е гг.). Политико-идеологическое значение этому направлению его деятельности было придано не сразу. Лишь в 1857 г. бывший министр развития из правительства Браво (1851-1852) – М.М. де Рейносо – выпустил книгу [17], в которой подробно

рассказывалось о проделанной работе, содержались экономическое и юридическое обоснование затрат, а также мотивация политико-идеологической защиты Браво, в чем он так нуждался в конце жизни. Здесь Браво выступает уже исключительно как действующий политик, политико-идеологическая функция закреплена за человеком из его команды. В 1950 г. благодарный потомок Бульон, подводя итог сделанному Рейносо и Браво, замечает: «Если бы эти работы были продолжены с тем же рвением их потомками, то сеть испанских железных дорог не была бы сегодня столь неполной, какой она до сих пор является» [5, р. 218]. Определяя кредо Браво-реформатора, Бульон пишет: «Он, в конце концов, полагал, что для развития страны более полезными, нежели радикальные трансформации, будут эволюции *осторожные* и, если хотите, *медленные* и *маленькие*, которые должны консолидировать все хорошее, укоренять его, совершенствовать и делать эффективным» [5, р. 183] (курсив наш. – Ю.В.).

Значимость данного подхода обуславливается тем, что во второй половине XX в. «осторожный реформизм» войдет в доктринальную «копилку» современного либерального консерватизма как один из базовых принципов («принцип реформизма»), сформулированных его основоположником – М. Фрагой Ирибарне [10]. Проблема заключается в том, что Фрага при этом не упоминает имени Браво, посчитав его, видимо, слишком нелиберальным консерватором; вместе с тем Фрага очень позитивно оценивает реформистский период 1950-1970 гг., идеологи которого – и Фрага как одна из ключевых фигур данного периода – выстраивали свои подходы, опираясь в том числе и на фигуру Браво. Таким образом, Браво был признан не только франкистами, но и современными либеральными консерваторами, пусть и «в снятом виде».

В результате падения правительства генерала Нарваэса (1849-1851) «успешный хозяйственник» Браво занял пост генерала, оставшись на весь срок деятельности нового правительства еще и министром хозяйства. Состав этого правительства, который Бульон оценивает с опорой на мемуары либерального консерватора М. Панды Фернандес де Пинедо Алаво-и-Давила, маркиза де Мирафлореса, являющиеся одним из значимых исторических источников для изучения эпохи [14], говорил сам за себя. С одной стороны, в правительстве Браво не было ни одного человека, который бы находился в оппозиции к предыдущему правительству генерала Нарваэса, обвиняемому в правом уклоне; с другой, – в правительство не вошел ни один военный, что говорило о стремлении Браво усилить гражданскую – либеральную – составляющую [5, р. 196-197]. В итоге мы видим совмещение двух принципов – преемственности и инновации, – диалектическое сочетание которых, несомненно, свидетельствовало о либерально-консервативных установках Браво; при этом верх взяла все-таки преемственность, поскольку деятельность правительства Браво стала одним из ярчайших выражений именно правого уклона в «модератос».

Правительство Браво находилось у власти почти два года – с 16 января 1851 г. по 14 декабря 1852 г. Итогом, по словам Бульона, стало: «созидание материальных интересов», что способствовало экономической стабилизации и, соответственно, укреплению позиций крупной – либерально-консервативной – буржуазии; и «реконструкция порядка морального, политического и

религиозного», к чему призывал, низвергая правительство генерала Нарваэса, традиционалист Доносо Кортес [5, р. 197-198]. Что касается первого направления, то экономические мероприятия правительства подробно описаны самим Браво в III томе его «Трудов» [13, vol. 3], а также его секретарем в министерстве хозяйства Х. Санчесом Оканья [18]. Куда более важное решение принимается правительством Браво на втором направлении: Конкордат 1851 г.

Подписание Конкордата между испанским государством и Католической церковью стало для политической карьеры Браво событием трансцендентным, впредь по нему о Браво будут судить и современники, и потомки. При этом в тени останется то обстоятельство, что, как таковой, Конкордат готовился еще правительством генерала Нарваэса начиная с 1847 г.; и тот факт, что подписан он был правительством Браво, говорит лишь о принадлежности Браво к «модерадос» и преемственности его политики.

В тексте Конкордата были затронуты все аспекты, касающиеся отношений между государством и церковью. Значение, приписываемое той или иной статье Конкордата, в испанской историографии традиционно было связано с особым – политико-идеологическим – интересом историка. В то время как правые сетовали на недостаточность Конкордата в плане церковных привилегий, левые увидели в этом документе реакционный союз «папистов» и монархии, непонятно почему называющей себя либеральной.

Критическим моментом в реформаторской деятельности правительства Браво стал проект конституционной реформы, задуманной им в конце 1851 г. Необходимость данного проекта в испанской историографии, как правило, оспаривается по двум причинам: первая – действующая Конституция 1845 г., в разработке которой Браво принимал активное участие, большинству «модерадос» по-прежнему казалась адекватной духу времени; вторая – неприятие этого проекта парламентским большинством привело к отставке всего правительства, что нанесло серьезный удар по карьере Браво-политика. Соответственно, Браво должен был обосновать необходимость для страны конституционной реформы. Этому вопросу он посвящает IV том своих «Трудов» [13, vol. 4].

Основное содержание предлагаемой реформы сводилось к усилению принципа власти, для чего в действующей Конституции предполагалось отменить или сократить часть либеральных статей. В частности, увеличить полномочия исполнительной власти в противовес законодательной; проводить заседания Кортесов за закрытыми дверями; председателя и вице-председателя Конгресса депутатов назначать в соответствии с волей Короны, а не избирать на заседании нижней Палаты парламента, а также лишить ее возможностей самостоятельного определения собственного регламента. Существенно урезались права граждан, отменялась их конституционная гарантия: теперь права устанавливались в соответствии с обыкновенными законами, которые легко можно было изменить. В исключительных случаях Корона получала возможность законодательной инициативы вне контекста Кортесов [5, р. 243-244], при этом ст. 19 проекта Конституции, в частности, гласила: «Личность короля является священной и неприкасаемой, она не подчинена никакой ответственности. Ответственными является министры короля» [5, р. 340].

Выступая в Кортесах, Браво доказывал, что «нынешние политические институты не удовлетворяют потребностям страны» [5, р. 242] и предлагаемые им «реформы, конечно же, тяжелы, но таковы, что, предоставив большую свободу и полномочия правительству, усилив королевскую власть на пользу народов, они не затронут сущности конституционного представительного режима, поскольку у страны остается возможность для необходимого вмешательства в написание законов» [5, р. 243]. При этом Браво отвергал возможность постатейного голосования за проект, настаивая на том, чтобы изменения в Конституцию и восемь дополнительных законов выносились на голосование одним пакетом, поскольку они представляют собой «органический и систематизированный набор проектов». Даже франкисту Бульону подобный подход показался «действительно, слишком», поскольку лишал правительство возможностей для компромисса и, соответственно, не позволял постепенно улучшать и в итоге успешно провести проект через Кортесы [5, р. 244-245]. Для «модерадос» в целом проект Браво стал настоящим испытанием на верность либеральным идеям, взглядам и принципам. Единственным крупным представителем партии, открыто поддержавшим реформу накануне голосования, стал маркиз де Мирафлорес, являвшийся одним из авторов проекта. Именно он оставил подробнейшее описание внутрипартийных дебатов, не без сарказма отмечая, что многие партийцы «превращались тогда в нежнейших друзей, хотя еще незадолго до этого были непримиримыми соперниками» [5, р. 247].

Поводом к оглашению проекта стало покушение на Изабеллу II, совершенное приходским священником Мерино 2 февраля 1852 г. во время мессы, посвященной рождению принцессы Марии Изабеллы [5, р. 236-239]. Группу противников реформы возглавила сама королева-мать Мария Кристина, бабушка принцессы. Непосредственно «модерадос» возглавил генерал Нарваэс. Момент, весьма красноречиво характеризующий политико-идеологическую составляющую проекта Браво, – генералы, неоднократно во время правления Изабеллы II сменявшие друг друга «у руля власти» посредством военных переворотов, оказались в итоге большими либералами, нежели гражданское правительство, изначально позиционировавшее себя принципиальным сторонником конституционного порядка.

К моменту голосования все грядущие проблемы правительства Браво были абсолютно предсказуемы, и неудачи не заставили себя ждать. 1 декабря 1852 г. на вновь открывшихся Кортесах на пост председателя Конгресса депутатов был избран Мартинес де ла Роса (представитель центристской фракции «модерадос» и принципиальный противник проекта конституционной реформы), обойдя кандидата от правительства Браво на 14 голосов [5, р. 248]. В своем письме к Браво от 7 декабря Мартинес де ла Роса называет проект реформы «радикальным» и «противоречащим моим [Мартинеса де ла Роса. – Ю.В.] принципам и взглядам» [5, р. 371-372].

Не желая разжигать страсти вокруг проекта, Браво издает указ, запрещающий прессе какое бы то ни было обсуждение готовящейся реформы, и закрывает две кафедры (красноречия и истории) в мадридском Атенео (либеральном академическом центре), поскольку, несмотря на правительственный запрет, они продолжали активную дискуссию. Последствия последнего шага

оказались для судьбы проекта наиболее трагическими: поддавшись давлению со стороны генералов от «модерадос» во главе с Нарваэсом, 13 декабря отзывает свое доверие к председателю правительства и Изабелла II [5, р. 249-250], в результате чего Браво лишается самой серьезной поддержки.

В приложении к своей монографии Бульон приводит два предвыборных манифеста, выпущенных в связи с проектом конституционной реформы обеими парламентскими партиями – «модерадос» и прогрессистами. Показателен тот факт, что манифест прогрессистов касался конституционной реформы лишь вскользь [5, р. 345-347], в то время как манифест «модерадос» был посвящен по большей части именно ей, поскольку реформа оказалась в их программе наиболее уязвимым местом и они, естественно, хотели от нее всячески отгородиться. Так, «модерадос» утверждали, что реформа не является таковой и речь, в действительности, идет «об отмене конституционного режима». Называя себя «защитниками легитимного Трона нашей королевы», они выступали «против узурпации, против персонификации абсолютной власти». По их мнению, предлагаемая правительством реформа «разрушала весь контекст и позиции действующей Конституции и, следовательно, важнейшие законы, которые из нее проистекают». Тщательно перечислив все пункты проекта реформы, они выражали убеждение в том, что с ее принятием «вновь начнется завершившийся уже период, при котором реакция посредством стерилизующей и подлой борьбы будет уничтожать эту несчастную нацию». В заключение авторы манифеста призывали к защите законными методами институтов, Трона, прав, достоинства нации и всего того, что на тот момент было связано с конституционной монархией [5, р. 349-355], оплотом которой они себя позиционировали.

Основной вывод, который можно сделать при прочтении манифеста заключается в том, что в конце 1852 г., предложив проект конституционной реформы, Браво вольно или невольно, по мнению большинства «модерадос», выходил за идейно-ценностные границы либерального консерватизма. Показательным в данном контексте выглядит письмо Карлоса V, направленное Браво 11 июня 1851 г. с целью поддержать предлагаемую реформу. В нем основоположник карлизма, спровоцировавший в 1833 г. многолетнюю междинастическую гражданскую войну, в частности, пишет: «Я желаю Вам доброго здоровья и сил для продолжения консолидации трона Испании и моей августейшей племянницы, во имя блага нации» [5, р. 389]. При этом Браво получил, возможно, неожиданную поддержку и со стороны поэтессы К. Коронадо де Пери, которая в своих письмах к нему назвала его «бронзовым министром» [5, р. 368], имея в виду его стойкость в деле, по словам Бульона, «защиты социального порядка» в условиях бушующего по всей Европе «революционного урагана». Так или иначе, оценка Коронадо возвращала Браво в рамки либерального консерватизма. Понятно, что Браво находился на самом правом фланге «модерадос», оказавшейся в конце 1852 г. в крайне незначительном меньшинстве, что в конечном итоге и стало определяющим обстоятельством, решившим судьбу его правительства. Вместе с тем мы не можем говорить о свершившемся переходе Браво на позиции традиционализма, хотя в проекте предложенной им реформы влияние традиционалистов ощущается весьма сильно: нельзя

забывать, что с 1842 г. Браво отстаивал интересы высшей испанской аристократии, принимавшей конституционную монархию Изабеллы II с огромными оговорками.

Присоединяясь к поэтическому пафосу Коронадо, Бульон также старается оправдать действия Браво, указывая на то, что генералы от «модерадос», нашедшие в эти дни понимание со стороны генералов из партии прогрессистов, стояли на грани военного мятежа, если проект конституционной реформы был бы все-таки принят. «Политика Браво Мурильо всегда заключалась в стремлении помешать им» [5, р. 252], – утверждает Бульон, демонстрируя одновременно консервативные симпатии Браво, о которых в 1852 г. в Испании было известно всем. В этой связи, по мысли Бульона, армия должна была бы выступить на стороне правительства Браво, с тем чтобы предотвратить начинающиеся беспорядки, а не провоцировать их. «*Спассти в данных обстоятельствах нацию* – это уже не мятеж, а движение к славе, находящееся в совершенной гармонии с *религией оружия*» [5, р. 252], – заключает Бульон (курсив наш. – Ю.В.). Как представляется, не судьба проекта конституционной реформы и правительства Браво беспокоит Бульона в этот момент. Проводя данные аналогии, франкистский историк обосновывает необходимость того «мятежа», который генерал Франко совершил через 84 года после описываемых событий. Современный выдающийся испанский историк-неофранкист Р. де ла Сьерва-и-Осес, посвятивший этому вопросу в 2000 г. отдельную книгу, написанную в жанре исторической дискуссии с социал-демократической историографией, – «18 июля не было фашистского военного переворота. Республиканский режим не был легальным. Систематическая деформация и насилие над исторической памятью испанцев. Все доказательства» [6] – работает в том же ключе.

Отказ Кортесов принять проект конституционной реформы привел правительство Браво к отставке. Однако уже следующее правительство – «модерадос» во главе с Ф. Ронкали, графом де Алкой (1852-1853) – приняло проект этой же реформы в ограниченном варианте. Все это породило толки о том, что «модерадос» вовсе не были против реформы как таковой, они просто хотели свергнуть Браво, чтобы прийти к власти. Особенно на этой версии настаивал в своих мемуарах соратник Браво маркиз де Мирафлорес [5, р. 253-254]. Данное обстоятельство позволяет нам определить степень либеральности испанских либеральных консерваторов середины XIX в. Судя по прецеденту отставки правительства Браво, либеральной у них была прежде всего риторика; политический курс, предложенный Браво, вызывал их возражения «постольку поскольку», а внутрипартийную борьбу за власть пока никто не отменял.

1854-1873 гг.

Правота Браво подтвердилась два года спустя, когда в Испании грянула очередная буржуазно-демократическая революция и к власти пришли прогрессисты во главе со своим прежним лидером генералом Эспартеро. Начиналось так называемое «прогрессистское двухлетие» (1854-1856), отодвинувшее партию «модерадос» на второй план. «Именно тогда, – пишет Бульон, – многие признали свою ошибку в том, что преследовали выдающегося политика и хозяйственника, который еще в благоприятный период, предвидя грядущие

наступление революции, хотел установить *дело порядка на солидный фундамент*» [5, р. 260] (курсив наш. – Ю.В.).

Вместе с тем признание ошибок не означало поворота к линии Браво; правая фракция неизменно оставалась на периферии, участвуя в политической борьбе лишь посредством различного рода коалиций. Завершение «прогрессистского двухлетия» и очередной приход к власти «модерадос» во главе с генералом Л. О'Доннелем, графом де Лусена (1856), открывало в истории этой партии принципиально новую страницу, поскольку генерал представлял уже левую фракцию партии, на основе которой постепенно – непосредственно с 1854 г. – создавалась новая либерально-консервативная партия – «Либеральный союз». Отсюда политическая борьба внутри партии «модерадос» в заключительный период правления Изабеллы II (1856-1868) развивалась между двумя либерально-консервативными группами – левой фракцией «модерадос» во главе с генералом О'Доннелем и центристской во главе с генералом Нарваэсом. В данных обстоятельствах Браво был вынужден пойти на союз с центристами, которые в течение «прогрессистского двухлетия» значительно «поправили»: распался до сих пор крепкий союз между генералом Нарваэсом и Мартинесом де ла Роса, который в последние годы своей жизни (1858-1862), обвинив генерала в диктаторских замашках, перешел в левую фракцию «модерадос» [16, р. 489-493].

Усилия Браво, направленные на получение высоких государственных должностей, принесли свои плоды в 1858 г., когда он был избран по пост председателя Конгресса депутатов. По словам Бульона, «это стало компенсацией сделанному против него в декабре 1852 г.» [5, р. 267]. Занимая эту должность, 30 января 1858 г. Браво произносит в Кортесах большую речь, ставшую его своеобразным политическим завещанием, поскольку в этом же году Браво уходит из партийно-государственной политики уже навсегда.

Бульон, цитируя речь Браво на протяжении пяти страниц своей монографии, особенно подчеркивает те ее моменты, которые, с его – франкистского историка середины XX в. – точки зрения, не потеряли своей актуальности до сих пор: социализм как «беспокойная проблема нашего времени»; проблемы, связанные с утверждением либерализма; «несовершенство электорального режима» и «перегибы парламентаризма» [5, р. 270-271]. В данном случае, зная проект конституционной реформы Браво, мы едва ли можем заподозрить Бульона в предвзятости: Браво – противник социализма и критик либерализма; причем к последнему он подходит с позиций «реальности политики», т.е. как государственный деятель, решающий конкретные проблемы, а не разговаривающий о них. Позиционируя себя в данном качестве, Браво не упускает возможности обвинить в неконструктивном подходе своего вечного оппонента по партии «модерадос» Мартинеса де ла Роса [5, р. 269-270], поскольку не может понять смысл его левого уклона в условиях набирающего силу революционного процесса. О последнем Браво говорит уже с апокалипсическим пафосом Доносо Кортеса, предлагая «подавлять нарушителей общественного порядка твердой рукой» [5, р. 271-272].

Ключевой тезис в речи Браво – вопрос о собственности, которая, утверждает он, «есть творение Божье», а потому должна быть ограждена от «бурь и

ураганов» [5, p. 271]. Защита частной собственности – типично либерально-консервативная идея, опирающаяся для большей убедительности на религиозную догматику. Апелляция к Богу в речи Браво совсем не случайна: Браво защищает частную собственность не только буржуазии, но и аристократии и – самое главное – Церкви. При этом он идет дальше, уделяя значительное внимание проблеме эффективной организации общественных работ; в данном случае речь идет уже о собственности государства и поддержке средней и мелкой буржуазии, которая должна стабильно получать заказы на основе конкуренции и, выражаясь современным языком, конкурсных процедур [5, p. 272].

Осмысливая причины своего поражения в 1852 г., Браво отчасти скорректировал свои взгляды, что также выводит его за рамки характерной для традиционализма догматической логики. Так, Браво говорит о «равном усилении исполнительной власти и парламентских институтов», прямо отказываясь от прежнего перекоса в пользу первой [5, p. 272]. Также Браво допускает возможность того, что к власти может прийти и оппозиция в лице прогрессистов, но только в том случае, если она сделает это в соответствии с законом [5, p. 274]. Вместе с тем, отмечает Бульон, Браво так и не принял идею широкой коалиции между «наименее продвинутыми прогрессистами» и «наиболее либеральными модерадос», каким стал в конечном итоге «Либеральный Союз», открывавший уже новую эпоху. «Излишне говорить, как расстраивали эти компоненты человека, обладающего такой полнотой характера и такой крепостью принципов, как Браво Мурильо», – пишет он [5, p. 275]. В конце концов, Браво не переставал принадлежать к правой фракции «модерадос» и естественно, что идеи, реализуемые левой фракцией, вызывали у него «глубокую горечь и разочарование».

Уйдя в 1858 г. из «реальной политики», Браво обратился к активной публицистической деятельностью, сосредоточив свои главные усилия на антисоциалистическом направлении и против Интернационала в частности. И здесь Бульон вновь не может удержаться от своих пропагандистских устремлений, утверждая: «социализм тогда, как и сейчас, является огромной угрозой для существования христианской цивилизации» [5, p. 293]. Между тем данная постановка вопроса сближает Браво с традиционалистом Доносо Кортесом, который также настаивал на несовместимости социализма и христианства [19], что очень скоро станет в политической доктрине католицизма общим местом [22]. Для «защиты католической и монархической политики» в 1872 г. Браво основывает целый журнал с говорящим для консерватора названием – «Защита общества», – в котором отстаивает «фундаменты христианского социального порядка» [5, p. 194]. Политическая программа журнала включала в себя три взаимосвязанных пункта: 1) равное распределение собственности является невозможным; 2) если оно осуществляется, это ведет к нарушению справедливости и насилию; что, в свою очередь, 3) наносит серьезный удар по обществу и индивиду [9]. Также Браво обвиняет Интернационал в стремлении «убить Католическую Церковь, любимейшую мать сирых и убогих, добрую во всем и во всем святую» [9, p. 86]; и объявляет теорию сторонников Интернационала «или настоящей тупостью, или дурной верой преступников и авантюристов» [9]. Современные испанские историки А. Элорса и К. Лопес Алонсо в своей книге «Архаизм и современность. Политическое мышление в Испании

XIX-XX вв.», опираясь на вышеприведенные слова Браво, называют его «экс-модерадос» [9, р. 85]. При этом они игнорируют вторую часть того же документа, где, как представляется, содержится достаточно аргументов в пользу принадлежности Браво к правой фракции «модерадос». Так, Браво пишет: «*Бог и собственность* являются двумя самыми большими опорами, на которых стоит мир» [9, р. 86] (курсив наш. – Ю.В.). Браво – при всех своих католических убеждениях – по-прежнему защищает буржуазию и, соответственно, не уходит с либерального поля окончательно.

Традиционалистский уклон в последние годы жизни Браво был связан прежде всего с крушением монархии и изгнанием Изабеллы II; а потом уже, как пишут Элорса и Лопес Алонсо, с Парижской коммуной [9, р. 85]. Именно тогда в Испании многие «модерадос», негативно реагируя на буржуазно-демократическую революцию 1868 г., заметно сместились вправо: часть либеральных консерваторов перешли на позиции традиционализма, а многие традиционалисты, например А. Апариси-и-Гихарро, – еще правее, на позиции карлизма [4]. Браво был захвачен общей волной, хотя по-консервативному старался сохранять лояльность к изгнанной королеве. Являясь яростным сторонником монархической реставрации, он связывал этот процесс исключительно с именем Изабеллы II; возвращение же династии к власти, осуществленное благодаря усилиям А. Кановаса дель Кастильо, произошло лишь в лице ее сына – Альфонсо XII (1875-1885) [20] – в 1875 г., т.е. через два года после смерти Браво.

Заключение

На фундаментальном уровне [1] идеи, взгляды и ценности Браво представлены двумя компонентами: *ревностным католицизмом* (Конкордат 1851 г.), что объясняет его духовную близость с карлизмом; и *буржуазным национализмом*, что выражается в его централизаторской политике, связанной со строительством железных дорог и других транспортных коммуникаций, способствующих единению внутреннего рынка Испании и ее буржуазной модернизации в целом. Обращение к средневековым свободам испанских провинций («фуэросы») отнюдь не противоречит централистским убеждениям Браво, поскольку не выходит за рамки политической риторики и не получает развития в столь ценной для него «реальной политике». На политико-институциональном уровне Браво предстает как *конституционный монархист*, сторонник *централизации* и *ограниченной парламентской демократии*.

Либерально-консервативный аспект политической идеологии Браво отражается в его позиции последовательного сторонника *конституционной* – и в этом смысле либеральной – *монархии*, от чего он не отказался даже в своем самом радикальном проекте конституционной реформы 1852 г. Стремясь ликвидировать «перегибы парламентаризма», Браво никогда открыто не выступал за диктатуру, как это делал традиционалист Доносо Кортес, хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что он бы принял ее даже в радикальном варианте, будь она реализована на практике. К 1858 г. Браво на какой-то момент скорректировал свои установки в пользу *парламентской демократии* и в направлении конструктивного диалога с оппозицией. В этом контексте, как представляется, важна личностно-ментальная оценка Браво, данная ему классической испанской историографией.

Приведем лишь одну из них, полагая ее в качестве общепризнанной, ссылаясь на авторитет автора: «Браво Мурильо был... человеком честным, противником любой коррумпированности, исполнительным и трудолюбивым, обладающим чувством административной эффективности, невосприимчивым к лести, окружающей власть, и отличным экономистом» [7, р. 186]. Традиционалист Комельяс изображает Браво рационалистом, что в целом более присуще либеральной ментальности, нежели эмоционально-чувственной традиционалистской. В конце концов, «Труды» Браво – компендиум рациональных аргументов; Браво понимал, что далеко не все в его политической карьере удалось и многие моменты нуждаются в спокойной и детальной аргументации; Браво обращается к *ratio* своего читателя. Не в последнюю очередь о Браво как либеральном консерваторе говорит и характерный для него дискурсивный вектор: Браво имел дело прежде всего с политическими институтами и их реформированием, а уже потом с вопросами философско-мировоззренческого характера.

Существуют в историографии вопроса и традиционалистские интерпретации политико-идеологической идентичности Браво. Так, безответственные исторические справки в Интернете, не указывающие автора и как бы – в силу этого – претендующие на бесспорный характер излагаемой информации, содержат в этом отношении весьма категоричные послы: «После 1856 г. Браво Мурильо продолжал активно работать в *правом крыле партии* умеренных – группе, поддерживавшей правящую династию, но с идеями, близкими к карлизму, с которым она разделяла позиции *консервативные, католические и антипарламентские*» [12] (курсив наш. – Ю.В.). Равным образом современный испанский историк-позитивист П.К. Гонсалес Куэвас причисляет Браво (и его близкого соратника маркиза де Мирафлорес) к традиционалистам наравне с «поздним Доносо Кортесом» [11]. Очевидно, что данная интерпретация опирается на традиционалистские элементы в политико-идеологической идентичности Браво, но абсолютно игнорирует ее либерально-консервативную составляющую.

«Славная революция» 1868 г., положившая конец деятельному существованию партии «модерадос» и, соответственно, ее правой фракции во главе с Браво, с одной стороны, подтвердила опасения Браво, связанные с нарастанием революционного процесса и свержением династии; с другой – полностью продемонстрировала, что предложенный им проект, находившийся формально в русле политической программы «модерадос» и направленный на защиту либеральной монархии, на момент активной политической деятельности Браво адекватным не являлся. Браво не смог убедить в своей правоте не только весь ответственный политический истеблишмент Испании, но и близких к нему по идеям, взглядам и ценностям «модерадос». Однако последующие поколения консерваторов в целом оценили его управленческие усилия, направленные на буржуазную модернизацию страны, по достоинству.

Список литературы

1. Василенко Ю.В. Идеино-ценностные уровни испанского консерватизма // Науч. ежегодник / Урал. отд-ние Рос. акад. наук. Ин-т философии и права. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 293-311.

2. *Доносо Кортес Х.* Речь о положении Испании, произнесенная в парламенте 30 декабря 1850 г. в связи с вопросом о полномочиях правительства в определении бюджета на следующий год // *Доносо Кортес Х. Сочинения.* СПб., 2006. С. 358-380.
3. *Доносо Кортес Х.* Речь, произнесенная в Конгрессе депутатов 4 января 1849 г. // *Доносо Кортес Х. Сочинения.* СПб., 2006. С. 321-338.
4. *Aparisi y Guijarro A.* Antología. Madrid, 1951; *Idem.* Obras completas. Madrid, 1873-1877. Vol. 5.
5. *Bullon de Mendoza A.* Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid, 1950.
6. *Cierva R. de la.* El 18 de julio no fue un golpe military fascista. No existía la legalidad republicana. Deformación y violación sistemática de la memoria histórica de los españoles. Todas las pruebas. Madrid, 1999.
7. *Comellas J.L.* Isabel II. Una reina y un reinado. Barcelona, 2004. P. 198.
8. *Discurso* pronunciado por D. Francisco Martínez de la Rosa, con motivo de la exclusión de D. Carlos de la Sucesión al trono // *Sosa L. de.* Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid, 1930. P. 219-255.
9. *Elorza A., López Alonso C.* Arcaísmo y Modernidad. Pensamiento político en España, siglos XIX-XX. Madrid, 1989. P. 85.
10. *Fraga Iribarne M.* El pensamiento conservador español. Barcelona, 1981. P. 246-252.
11. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid, 2000. P. 96.
12. *Juan Bravo Murillo* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biografiasyvidas.com/biografia/b/bravo.htm> (дата обращения: 10.10.2010).
13. *Opúsculos* de don Juan Bravo Murillo: in 6 vol. Madrid, 1863-1874.
14. *Panda Fernández de Pinedo Alava y Dávila M.* (marqués de Miraflores). Continuación de las memorias políticas para escribir la historia del reinado de Isabel II, 1840-1868. Madrid, 1872-1873. Vol. I-III.
15. *Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I.* Historiadores españoles contemporáneos (1840-1980). Madrid, 2002. P. 602-604.
16. *Pérez de la Blanca Sales P.* Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona, 2005.
17. *Reynoso M.M. de.* Política administrativa del Gabinete Bravo Murillo en el ramo de Fomento y demostración de la legalidad y conveniencia de las concesiones de ferrocarriles de aquella época. Escrito desde 1853 á 1857. Madrid, 1857.
18. *Sánchez Ocaña J.* Reseña histórica sobre el estado de la Hacienda y del Tesoro público en España durante la administraciones progresista y moderada, y sobre el origen e importe de la actual deuda flotante del mismo Tesoro. Madrid, 1855.
19. *Schmitt C.* Donoso Cortés, en Berlin (1849) // *Schmitt C.* Interpretación europea de Donoso Cortés. Madrid, 1952. P. 115.
20. *Seco C.* Alfonso XII. Barcelona, 2007.
21. *Suárez L.* Franco. Barcelona, 2005.
22. *Suárez Verdeguer F.* La Iglesia y el Socialismo // *Razón Española.* 1992. № 52. P. 145-165.